

ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОМ НАУЧНОМ СТИЛЕ В. З. ДЕМЬЯНКОВА

Е. И. Голованова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Статья посвящена анализу особенностей индивидуального научного стиля одного из ведущих российских лингвистов Валерия Закиевича Демьянкова. Материалом для изучения послужили тексты его статей в научных журналах и сборниках. Особое внимание уделяется примерам иронично-образного представления фактов и наблюдений в научном дискурсе ученого. Показано, что метафора и ирония применяются в исследуемых работах как для репрезентации уже отрефлексированного опыта, так и в процессе концептуализации нового научного знания. Делается вывод, что характерная для индивидуального стиля В. З. Демьянкова тональность способствует активизации мыслительной деятельности читателей, а также служит ярким средством убеждения, инструментом неожиданной и точной интерпретации лингвистических фактов. Предложенный анализ позволяет выявить некоторые закономерности познавательной деятельности ученого-гуманитария и раскрыть характеристики конкретной языковой личности.

Ключевые слова: *В. З. Демьянков, научный дискурс, знание, концептуализация, образ, ирония, интерпретация.*

Современный научный дискурс представляет весьма интересный для лингвистического изучения объект. Множественность научных подходов, направлений и школ, размывание дисциплинарных границ в условиях усложнения знания определяет данный дискурс как неоднородное, «разноречивое» коммуникативное явление. В полифонии научных точек зрения, разнообразии способов представления научного знания отражается то, что в познавательной деятельности исследователя участвуют не только собственно научные методы и представления, но и вненаучные познавательные формы, в том числе обусловленные личным опытом субъекта познания, характерной для него социально-языковой средой и присущим ему общекультурным уровнем [1; 2].

В современном научном дискурсе, особенно в сфере гуманитарного знания, все более явно присутствует присутствие человека, с его индивидуальным стилем мышления. Не случайно авторы научных сочинений сегодня весьма часто обращаются к метафоре и символическому моделированию фактов, что наряду со строгими рационально-логическими построениями определяет глубину, эвристичность и научную ценность нового знания [3]. В некоторых случаях эмоционально-образная составляющая дискурса становится характерной чертой индивидуального стиля ученого. В этом отношении особой привлекательностью для исследования обладает научное

творчество известного российского лингвиста Валерия Закиевича Демьянкова.

В статьях В. З. Демьянкова традиционное для научной прозы рационально-логическое и менее типичное эмоционально-образное начала находятся в тесном переплетении, создавая сложный смысловой рисунок текста и нередко придавая изложению ироническую модальность. Сам ученый пишет: «Поскольку понимание — процесс и результат нескольких довольно разных операций, интерпретатор должен **выбрать ключ**, или тональность, в которой он проигрывает всю симфонию интерпретации текста. Этот ключ придает единообразие, общую стилистику понимания дискурса. Этот же ключ задает единую атмосферу понимания в рамках более или менее продолжительного эпизода понимания речи. Скажем, атмосферу сверхдружественную: тогда вы прощаете абсолютно любые огрехи и несурезицы. Или абсолютно критичную: все в тексте, как вам кажется, не выдерживает никакой критики. Или — посередине — **ироничную атмосферу понимания**» (здесь и далее выделено нами — Е. Г.) [4. С. 39].

Ироничность интерпретации на основе использования в пределах научного контекста иностилевых элементов составляет одну из ярких отличительных особенностей индивидуального стиля В. З. Демьянкова. Так, в предисловии к монографии Н. Н. Болдырева «Язык и система знаний. Когнитивная теория языка» на фоне

академически нейтральной характеристики содержания книги он использует неожиданное определение, восходящее к бытовому (кулинарному) дикурсу: «Опираясь на эти положения, автор предлагает взгляд на язык как на систему репрезентации <...> знаний о мире, отраженном в сознании человека, — а не знаний о мире **«в собственном соку»** [11. С. 11].

Ирония для исследователя является не просто одной из форм проявления критического начала, а скорее, особым типом восприятия и мироощущения, допускающим оспоримость абсолютного. Именно она создает условия для свободной игры творческой фантазии автора. Сравните: «Исходное значение латинского слова *соттинісатіо* обрекает коммуникацию на аналогии с **долевой вещной собственностью**. <...> коммуниканты строят „совместную“ структуру коммуникативных знаний <...>» [6. С. 52]; «Некоторые исследователи структурализма, настаивающие на „**внечеловеческих**“ принципах исследования языка и коммуникации, всерьез полагают, что общение состоит в „обмене информацией“, подобном передаче материальных предметов из одного места в пространстве в другое» [10. С. 37].

От отвлеченных рассуждений автор нередко обращается к «правде жизни», обогащая научный контекст живыми эмоциями [16], не давая ему застыть в канонической догматичности: «Коммуникативная компетенция человека может развиваться по ходу конкретного общения. Завязав беседу **во всем блеске** своей коммуникативной компетенции, человек может выйти из задушевного разговора **с помятой физиономией** и/или с резко пошатнувшимися представлениями о том, как следует разговаривать со старшими и/или более физически развитыми» [6. С. 55].

По-видимому, главным врагом научного изложения автор считает сухость, напыщенность и педантичность, а потому широко использует метафоры и сравнения (которые не являются для автора самоцелью, а служат средством яркого и всестороннего раскрытия мысли): «Предмет нашего внимания <...> не система эмоций как таковая, а „**жизнь**“ той или иной эмоции в языке, в языковой системе и различные „**жилищные условия**“, предоставляемые эмоциям в разных языках» [7. С. 30].

В многообразии привлекаемых лингвистом средств значительное место занимают разговорные и книжные фразеологизмы: *пуп земли, на худой конец, видеть в прежнем свете, открыть*

глаза на мир, в полный рост, на ум приходит, болит душа, вызывать к жизни, обещать принести плоды, оставаться одной ногой, отсюда только один шаг до... и др.

Благодаря умелому сочетанию в статьях В. З. Демьянкова разговорных и книжных лексико-фразеологических средств возникает ощущение непринужденной беседы автора с читателем: «Иначе говоря, „**на вынос**“, для широкой публики термин лингвистика нам представляется **более импозантным**, чем языкознание или языковедение» [14. С. 78]; «Недоразумения — результат того, что свой внутренний мир интерпретатор отождествляет с модельным. Так, прочитав следующую заголовочку, мы заранее радуемся тому, что скоро **нам перепадет** часть чужого богатства: „Губернаторы поделились доходами с народом“. Но основной текст той же заметки вливает **ложку диссонанса** в нашу радость <...>» [4. С. 38].

Обладая развитым воображением и богатым арсеналом культурных знаний, В. З. Демьянков излагает свою точку зрения на языковые закономерности и факты наглядно, убедительно и емко. В этом ему помогает использование разнообразных прецедентных высказываний («стоять на плечах предшественников», «в себе и для себя», «свобода <...> есть осознанная необходимость», «твоя моя не понимай», «мама мыла раму»), в том числе подвергнутых трансформации: «Большому кораблю — большие понятия» [5. С. 31], «Большому кораблю — привлекательная жена» [12. С. 182]. Указанные единицы применяются в качестве аргументации или иллюстрации авторских тезисов. Например: «Индивид, в том числе, языковой — это человек во всей его данности, к которому — гипотетически — мы примеряем его модель (его „личность“), что-то вроде **костюма, сшитого по тому лекалу** (то есть, знанию его личности), которым мы владеем. Индивид — наша интерпретация того, как реализована личность. В отличие **от обычного портного**, при такой „**примерке**“ мы ориентируемся не только на внешние данные, но и на подозреваемые нами скрытые характеристики» [8].

В. З. Демьянков стремится в своих научных трудах к ясности и точности изложения, избегая ненужных украшений. Главное для него — сила аргументации, четкость суждений, нередко переходящая в эмоционально насыщенный текст: «Но как только нам удастся **помыслить немислимое, вообразить невообразимое** — оно становится мыслимым и вообразимым. Само высказывание

*Существуют немислимые вещи парадоксально: если мы это нечто помыслили (а здесь глагол существования фигурирует именно в качестве предиката!) — значит, оно мыслимо. И наоборот, в высказывании **Не существует немислимых вещей** идея существования немислимого является пресуппозицией» [5. С. 18—19].*

Излюбленный прием ученого — обращение к сравнению или метафоре из обыденного или профессионального дискурса. Так, например, рассуждая о профессии лингвиста, В. З. Демьянков пишет: «...платить зарплату только за то, что некто просто знает, обыденному сознанию представляется как **нецелевое расходование средств**». И далее: «Нас выручает суффикс **ид** — **вед**, как в названии другой уважаемой профессии — **товаровед**. С 19 в. так означают не только тех, кто знает, но **ведает** чем-либо (в 18 в. — начале 19 в. **ведать** управлял исключительно винительным падежом). Занятие лингвиста в 20—21 вв. — не просто в знании, а в **ведении языком**: учетом поступления, принятием на хранение, записи о продвижении и реализации товара, применении знаний конъюнктуры в этой повседневной деятельности. То есть, лингвист полезен как лицо, отвечающее за состояние того или иного языка. Скажем, если российский лингвист „отвечает“ за африканские языки, он не должен находить себе покоя **ни днем, ни ночью**, у него должна **душа болеть**: ну как они там, мои африканские **подопечные**, без меня, в далекой Африке?» [14. С. 79].

Начав с сопоставления функций представителей двух профессий, автор доводит это сравнение до гротеска с помощью экспрессивных фразеологизмов и приема персонификации (языки осмысляются как подопечные лингвиста, которые страдают вдали от своего защитника и покровителя).

В другой работе лингвист использует развернутую метафору из не менее известной профессиональной сферы-источника: «По аналогии с понятиями электротехники, о речевых субъектах можно говорить только тогда, когда происходит „**речевое замыкание**“ и имеется поэтому „**речевое напряжение**“: не просто обмен репликами „**в вакууме**“, а интерпретация речей, с возможным изменением внутреннего мира этих субъектов <...>. В это „**поле**“ включается „субъективная реальность“ каждого <...>» [8].

Отмечая, что «главный герой обыденной речи — человек», В. З. Демьянков широко задействует раз-

личные обыденные концепты в своем научном дискурсе: «соседи», «скандал», «яичница», «поваренная книга», «сито», «домашние тапки», «колыбельные», «склад» и др.

Блестящим примером соединения научной пронципальности, рационально-логического построения и образности может служить статья «Трансфер знаний и когнитивная манипуляция», опубликованная в журнале «Вопросы когнитивной лингвистики» [13].

Текст статьи предваряется авторской аннотацией, начинающейся словами: «**Есть несомненное сходство недостоверной информации как разновидности трансфера знаний с эпидемией, с биологическим оружием и с ядерным взрывом, которые заражают окружающее пространство**». Реализация в этом контексте нетривиального сравнения, на наш взгляд, подспудно настраивает читателя на нестандартный характер последующего изложения.

Начало статьи выдержано вполне академично: «**Когнитивный подход к языку выделяется из числа других своей информационно-поисковой направленностью. Информация, по мнению многих исследователей, не просто соотносена со знанием (поскольку связана с некоторым утверждением, оцениваемым как правильное или ложное): говоря об информации, исходят из презумпций ее полноты и необходимости для осуществления будущих социально значимых действий в рамках человеческих институтов**». С первых же строк автор стремится к точному разграничению информации и знания, с учетом обыденных представлений о «накоплении» и «складировании» чего-либо в пространстве и времени: «**Информация — то, что „содержится“ в текстах и в иных „носителях информации“ и доступно для сбора. <...> знание — та информация, которая уже была собрана на протяжении некоторого времени, зарекомендовала себя как правильная и направляет дальнейший ход сбора информации**». Предметные образы «накопленных» или «складированных» объектов в терминологическом окружении (текст, информация, знание) служат здесь формой для трансляции важных научных положений.

Дальнейший текст первого раздела реализует нейтральный стиль изложения. Правда, полной объективности автор избегает: «**Итак, репрезентация знаний, о которой все время говорили когнитивисты, должна быть настолько доступной для народа, что простому когнитологу ее и представить себе трудно!**» Упоминание о «простом когнитоло-

ге» не только придает высказыванию экспрессивность, но и служит выражением авторской иронии.

Во втором разделе статьи, обосновывая относительность типовой репрезентации знаний в языке как вещи в пространстве, автор отмечает, что к «передаче» знаний говорящие относятся «с долей скепсиса», и приводит ряд примеров. В частности, указывает, что «нельзя дать займы какие-либо знания — но можно знаниями (не всегда „безвозмездно, т. е. даром“) поделиться». В приведенном контексте привлекает внимание цитата из известного мультфильма о Винни-Пухе (реплика Совы в диалоге с осликом Иа-Иа). Начиная с этого момента коммуникация автора с читателем приобретает подчеркнуто игровой характер: «Когда кто-либо „продает“ свои знания (чаще, впрочем, выгоднее продать мозги, если они есть), их у него меньше не становится — вопреки законам сохранения энергии. Не так, когда знания (и мозги) „пропивают“: здесь этот закон сохранения бесчеловечен и действует со всей неумолимостью». И далее: «Знания могут покинуть болную голову или пройти в нее добровольно (например, „осенить“), однако нельзя их щедрому донору „вернуть за ненадобностью назад“ — в отличие от денег и других ценных вещей. Пожалуйтесь кому-нибудь, что отдали Люсе знания английского языка в хорошем состоянии, а назад получили в истрепанном и не полностью!» «Невозможно также лишиться последних знаний, передав их в другие руки. <...> А объявление „Отдам знание физики в хорошие руки“ просто таинственно» и т. д.

Говоря о продуктивности признания избытка или недостатка знаний для науки, автор отмечает, что «о дефиците в родной сфере часто узнают, пронаблюдав, какое изобилие методов и результатов у соседей по научному огороду». В данном контексте неожиданно звучат сочетания «родная сфера» и «соседи по научному огороду», хотя в целом употребление слов *соседи*, *соседний* применительно к научным дисциплинам у Демьянкова встречается довольно часто. В данной статье такой контекст тоже есть: «Гасят дефицит знаний не только средствами

самой обывденной области, но и за счет „соседних“ научных и ненаучных дисциплин».

Все это не только не снижает градус научного пафоса, но и способствует поддержанию интереса у читателя, стимулирует — через удивление — активную обработку поступающей к нему из текста информации.

Иногда с помощью одного лишь слова автору удается деавтоматизировать восприятие научного изложения: «<...> исторические и контекстные изменения значения слов являются **симптомами** возможного, но не всегда действительного трансфера знаний». Или другой пример в рассматриваемом тексте: «Этот трансфер [знаний между культурами, отдельными людьми, научными дисциплинами] осуществляет человек с помощью репрезентаций, которые выступают в качестве „**денежных знаков**“, служащих для обмена между соседями».

Судя по всему, «раскованность и широта теоретической мысли» [15. С. 149] свойственны именно тем ученым, которые обладают не только развитым рационально-логическим мышлением, но и неординарным интуитивно-творческим началом, «смелостью в преодолении ложных лингвистических традиций и создании новых». Не будет преувеличением сказать, что наука вряд ли представляется В. З. Демьянкову *серой*: она для него, скорее, «зеленое, ласковое, зовущее дерево», от которого «веет прохладой и счастьем» [15. С. 7].

Метафора и ирония применяются в работах ученого как для репрезентации уже отрефлексированного опыта, так и в процессе концептуализации нового научного знания. При оформлении нового знания языковая образность и игра, в том числе с использованием реалий настоящего времени (как, например, в [9]), способствуют активизации мыслительной деятельности читателя, служат средством убеждения, инструментом точной характеристики и интерпретации.

В целом, эвристическое переживание языка, ироническая модальность, стихия эксперимента и игры — характерные черты индивидуального научного стиля В. З. Демьянкова, отражающие особенности его незаурядной личности.

Список литературы

1. Голованова Е. И. Анализ взаимодействия когнитивных и языковых структур при изучении профессиональной языковой личности // Когнитивные исследования языка. 2011. № 9. С. 472—482.
2. Голованова Е. И. Модельная языковая личность российского ученого: проблема реконструкции и поуровневого описания // Русский язык: история и современность: материалы IV Междунар. конгресса исследователей русского языка. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2010. С. 169—170.

3. Голованова Е. И. Образ, понятие, гештальт как форматы профессионального знания // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). С. 122—126.
4. Демьянков В. З. Когнитивный диссонанс: когниция языковая и внеязыковая // Когнитивные исследования языка. 2011. № 9. С. 33—40.
5. Демьянков В. З. Когниция воображаемого и изображаемого: о понятиях (и концептах) в языке // Когнитивные исследования языка. 2012. № 12. С. 17—33.
6. Демьянков В. З. Коммуникативное знание в когнитивной и коммуникативной компетенциях // Когнитивные исследования языка. 2018. № 34. С. 52—55.
7. Демьянков В. З., Воронин Л. В., Сергеева Д. В., Сергеев А. И. Лингвopsихология как раздел когнитивной лингвистики, или: Где эмоция — там и когниция // С любовью к языку. М.: Ин-т языкознания РАН; Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2002. С. 29—44.
8. Демьянков В. З. Личность, индивидуальность и субъективность в языке и речи // «Я», «субъект», «индивид» в парадигмах современного языкознания. М.: ИНИОН РАН, 1992. С. 9—34.
9. Демьянков В. З. О когнитивной маске как гигиеническом средстве при манипуляции // Когнитивные исследования языка. — 2020. — № 3 (42). — С. 47—54.
10. Демьянков В. З. Об антропоцентрическом направлении в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. 2016. № 27. С. 36—45.
11. Демьянков В. З. Предисловие // Болдырев Н. Н. Язык и система знаний: Когнитивная теория языка. М.: Изд. дом ЯСК, 2018. С. 9—14.
12. Демьянков В. З. Прототип и реализации концепта «привлекательность» в русском языке // Концептуальное пространство языка: сб. науч. ст. Посвящается юбилею проф. Н. Н. Болдырева. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. С. 167—184.
13. Демьянков В. З. Трансфер знаний и когнитивная манипуляция // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2017. — № 4 (53). — С. 5—13.
14. Демьянков В. З. Что дает когнитивная лингвистика? // Non multum, sed multa: Немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии: сб. науч. тр. в честь В. Ф. Новодрановой. М.: Авторская академия, 2010. С. 71—82.
15. Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку / под ред. Е. А. Земской, С. М. Кузьминой. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 1. 568 с.
16. Шилихина, К. М. Ирония в академическом дискурсе // Вестник Воронежского государственного университета. 2013. № 1. С. 115—118.

Сведения об авторе

Голованова Елена Иосифовна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. terminolog2011@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 9 (455). *Philology Sciences. Iss. 126. Pp. 63—68.*

ON THE INDIVIDUAL SCIENTIFIC STYLE OF V. Z. DEMYANKOV

E. I. Golovanova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. terminolog2011@rambler.ru

The article is devoted to the analysis of the peculiarities of the individual scientific style of one of the leading Russian linguists Valery Zakievich Demyankov. The texts of his articles in scientific journals and collections served as the material for the study. Special attention is paid to examples of ironic and figurative representation of facts and observations in the scientific discourse of a scientist. It is shown that metaphor and irony are used in the studied works both for the representation of already reflected experience, and in the process of conceptualization of new scientific knowledge. It is concluded that the characteristic of the individual style of V. Z. Demyankov's tonality helps to activate the mental activity of readers, and also serves as a vivid means

of persuasion, an instrument of unexpected and accurate interpretation of linguistic facts. The proposed analysis allows us to identify some patterns of cognitive activity of a humanitarian scientist and reveal the characteristics of a specific linguistic personality.

Keywords: *V. Z. Demyankov, scientific discourse, knowledge, conceptualization, image, irony, interpretation.*

References

1. Golovanova E. I. (2011) *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, no. 9, pp. 472—482 [in Russ.].
2. Golovanova E. I. (2010) Model'naya yazykovaya lichnost' rossiyskogo uchenogo: problema rekonstruktsii i pourovnevnogo opisaniya [Model language personality of a Russian scientist: the problem of reconstruction and level-by-level description]. *Russkiy yazyk: istoriya i sovremennost'* [The Russian language: history and modernity]. Moscow. Pp. 169—170 [in Russ.].
3. Golovanova E. I. (2014) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 6 (335), pp. 122—126 [in Russ.].
4. Dem'yankov V. Z. (2011) *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, no. 9, pp. 33—40 [in Russ.].
5. Dem'yankov V. Z. (2012) *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, no. 12, pp. 17—33 [in Russ.].
6. Dem'yankov V. Z. (2018) *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, no. 34, pp. 52—55 [in Russ.].
7. Dem'yankov V. Z., Voronin L. V., Sergeeva D. V., Sergeev A. I. (2002) Lingvopsikhologiya kak razdel kognitivnoy lingvistiki, ili: Gde emotsiya — tam i kognitsiya [Linguopsychology as a branch of cognitive linguistics, or: Where emotion is, there is cognition]. *S lyubov'yu k yazyku* [With a love of language]. Moscow; Voronezh. Pp. 29—44 [in Russ.].
8. Dem'yankov V. Z. (1992) Lichnost', individual'nost' i sub'ektivnost' v yazyke i rechi [Personality, individuality and subjectivity in language and speech]. «Ya», «sub'ekt», «individ» v paradigmakh sovremen-nogo yazykoznaniiya [“I”, “subject”, “individual” in the paradigms of modern linguistics]. Moscow. Pp. 9—34 [in Russ.].
9. Dem'yankov V. Z. (2020) *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, no. 3 (42), pp. 47—54 [in Russ.].
10. Dem'yankov V. Z. (2016) *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, no. 27, pp. 36—45 [in Russ.].
11. Dem'yankov V. Z. (2018) Predislovie [Preface]. Boldyrev N. N. *Yazyk i sistema znaniy: Kognitivna-teoriya yazyka* [Language and the knowledge system: Cognitive theory of language]. Moscow. Pp. 9—14 [in Russ.].
12. Dem'yankov V. Z. (2005) Prototip i realizatsii kontsepta «privlekatel'nost'» v russkom yazyke [Proto-type and implementation of the concept “attractiveness” in Russian]. *Kontseptual'noe prostranstvo yazyka* [The conceptual space of the language]. Tambov. P. 167—184. [in Russ.].
13. Dem'yankov V. Z. (2017) *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, no. 4 (53), pp. 5—13 [in Russ.].
14. Dem'yankov V. Z. (2010) Chto daet kognitivnaya lingvistika? [What does cognitive linguistics provide?]. *Non multum, sed multa: Nemnogo o mnogom. U kognitivnykh istokov sovremennoy terminologii* [Non multum, sed multa: A little bit about many things. At the cognitive origins of modern terminology]. Moscow. Pp. 71—82 [in Russ.].
15. Panov M. V. (2004) *Trudy po obshchemu yazykoznaniiyu i russkomu yazyku* [Works on general linguistics and the Russian language]. Vol. 1. Moscow. 568 p. [in Russ.].
16. Shilikhina K. M. (2013) *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, pp. 115—118 [in Russ.].